

А. М. Горький

М. М. Коцюбинский

"Прекрасное - это редкое", - говорили Гонкуры. Он был одним из тех редких людей, которые при первой же встрече с ними вызывают благодное чувство удовлетворения: именно этого человека ты давно ждал, именно для него у тебя есть какие-то особенные мысли!

В мире идей красоты и добра он - "свой" человек, родной человек, и с первой встречи он возбуждает жажду видеть его возможно чаще, говорить с ним больше.

Обо всём подумавший, он как-то особенно близок хорошему, и в нём кипит органическая брезгливость к дурному. У него тонко развита эстетическая чуткость к доброму, он любит добро любовью художника, верит в его победную силу, и в нём живёт чувство гражданина, которому глубоко и всесторонне понятно культурное значение, историческая стоимость добра.

Однажды, рассказывая ему план организации на Руси широкого демократического книгоиздательства, я услышал его мягкий голос, задумчивые слова:

- Нужно бы вести из года в год "Летопись проявлений человеческого", ежегодно выпускать обзор всего, что сотворено за год человеком в области его заботы о счастье всех людей. Это было бы прекрасное пособие людям для знакомства их с самими собою, друг с другом. Нас ведь больше знакомят с дурным, чем с хорошим. А для демократии такие книги имели бы особенно огромное значение...

Он очень часто говорил о демократии, о народе, и всегда это было как-то особенно приятно слушать и поучительно.

Я рассказал ему однажды, тихим вечером, легенду о калабрийце Чиро, угольщике, который в 49 году, во время борьбы Сицилии против Фердинанда Бомбы, пришёл к благородному Руджиеро Сеттимо и простодушно предложил:

- Синьор, если неаполитанский деспот победит, он, наверное, захочет отрубить вам голову, - да? Тогда, синьор, предложите ему три головы за одну вашу: вот эту, мою голову, голову брата моего и зятя. Мы все ненавидим Бомбу так же, как и вы, синьор, но - маленькие люди - мы не сумеем так умно и успешно бороться за свободу, как умеете вы. Я думаю, что от этой

меры народ очень выиграет, а Бомба, вероятно, с большим удовольствием убьёт троих вместо одного, - ведь он, бездельник, любит убивать! Мы же с радостью умрём за свободу.

Легенда понравилась Михаилу Михайловичу; радостно поблескивая ласковыми глазами, он сказал:

- Демократия всегда романтична, и это хорошо, знаете! Ведь романтизм наиболее человеческое настроение; мне думается, что его культурный смысл недостаточно понят. Он - преувеличивает, ну да! Но - ведь он преувеличивает добрые начала, свидетельствуя этим, как велика жажда добра в людях.

Был такой случай: щенилась, впервые и очень мучительно, большая романская овчарка; щенята рождались мёртвыми; собака, истерзанная болью, почти издыхала, и эта тяжёлая картина вызвала совершенно ясное чувство сострадания у фокстерьера, тоже суки, но ещё не рожавшей.

Маленькая, изящная собака поражала напряжённостью своих ощущений: с тихим воем бегая вокруг овчарки, она слизывала слёзы с её измученных глаз и сама плакала; мчалась в кухню, хватала там кости и стремглав несла их больной, бежала к людям и, тихонько, жалобно лая, прыгала на них, как бы прося о помощи, и всё плакала, - капали слёзы из её прекрасных глаз. Это было очень трогательно и даже немного жутко.

- Это - удивительно! - волнуясь, сказал Коцюбинский. - И я ничем иным не могу себе объяснить такой силы чувства у собаки, как тем, что люди создали уже вокруг себя неотразимую и внушительную атмосферу человечности, способную перевоспитать даже животное, привив ему нечто от души человека.

Человечность, красота, народ, Украина - это любимые темы бесед Коцюбинского, они всегда были с ним, как его сердце, мозг и славные, ласковые глаза.

Он очень любил цветы и, обладая солидными знаниями ботаника, говорил о них, как поэт. Было приятно видеть, когда он, держа в руке цветок, ласкал его и рассказывал о нём:

- Смотрите, вот орхидея приняла форму пчелы: этим она желает сказать, что не нуждается в посещении насекомых. Сколько разума всюду, сколько красоты!

Его болезненное сердце мешало ему ходить по неровным тропинкам Капри, по камням, горячо нагретым солнцем, в жарком воздухе, густо насыщенном запахами цветов, но он не щадил себя, гулял много, часто - до утомления.

И когда, бывало, скажешь ему: "Зачем вы позволяете себе уставать?" он отвечал, легко побеждая советы благоразумия:

- Хочется видеть как можно больше: мне ведь недолго жить на земле, а я её - люблю...

Он особенно нежно любил свою Украину и часто слышал запах чебреца там, где его не было.

А однажды, увидев у белой стены рыбацкого дома бледнорозовые мальвы, весь осветился улыбкой и, сняв шляпу, сказал цветам:

- Здоровеньки були! Як живётся на чужини?

Сконфузился и пошутил:

- Знаете - немножко сантиментальным становлюсь! Но ведь и вам, думаю, нередко вздыхается по белой берёзе, которой вас секли, бывало? Э, все люди - люди, а кто не человек - да будет ему стыдно!

Он любил Капри и писал о нём:

"Чувствую себя неважно, мне только хорошо на Капри. Впечатления от каприйской природы так гармоничны и так благотворно действуют на мою психику, что поположительно оздоравливают меня".

Но я думаю, что это не совсем верно и тепличный воздух острова не был полезен ему. А к тому же его украинское червонное сердце всегда было на родине, - её скорбями он жил, её муками мучился.

Бывало, видишь: идёт он тихо, немножко согнувшись, обнажив сияющую голову, с тем вдумчивым лицом, как на портрете Жука, - видишь и догадываешься: думает о своей Черниговщине.

Так и есть: пришёл в свою белую комнату, сел утомлённо в кресло и говорит:

- Знаете, там, по пути к Arca Naturale, стоит хата совсем такая, как у нас! И люди в ней - наши: дидусь, такой ветхий и мудрый, сидит на пороге с трубкой и баба такая же, да ещё и дивчина с карими очами - полная иллюзия. Только вот горы, камень, море! А то - всё - и солнце - как у нас!

И начинал тихонько говорить о судьбах родины, о будущем её, о её людях, любимых им крепко, о литературе, о благотворной работе загубленной ныне

"Просвіти". Слушаешь его и видишь человека, который именно обо всём подумал и то, что знает, знает хорошо.

В июне 1911 года он писал с Карпат, из Криворивни:

"Всё время провожу в экскурсиях по горам, верхом на гуцульском коне, лёгком и грациозном, как балерина. Побывал в диких местах, доступных немногим, на "полонинах", где гуцулы-номады проводят со своими стадами всё лето. Если бы вы знали, как величественна здесь природа, какая первобытная жизнь! Гуцулы - оригинальнейший парод, с богатой фантазией, со своеобразной психикой. Глубокий язычник, гуцул всю свою жизнь, до смерти, проводит в борьбе со злыми духами, населяющими леса, горы и воды. Христианством он воспользовался только для того, чтобы украсить языческий культ. Сколько здесь красивых сказок, преданий, поверий, символов. Собираю материал, переживаю природу, смотрю, слушаю и учусь".

А в следующем письме, из Чернигова, ему пришлось сказать:

"Не утерпел я, взбирался на горы и, конечно, повредил своему здоровью; но было необычайно красиво, а это - главное".

Не щадя, в стремлении к знанию жизни и красоты её, своих физических сил, он и к своему таланту поэта относился чрезмерно строго, предъявлял к себе требования слишком суровые. "Чувство недовольства собою у меня очень развито", - не однажды говорил он мне. "Мои рассказы всегда кажутся мне бледными, неинтересными, ненужными, и даже как-то совестно перед литературой и читателем", - писал он в 1910 году.

Эти мысли, казалось мне, всегда были с ним и неотступно точили его измученное сердце.

Спрашивает:

- Вам нравится "Самотній"?

- Это лучшее из трёх ваших стихотворений в прозе, а они все, на мой взгляд, очень хороши...

Он грустно улыбается:

- А я прочитал сегодня утром, и стало неловко. Никому это не нужно, не интересно никому. Что за вой? Все люди одиноки. И не так нужно писать об этом проклятию нашем!

Потом продолжал уже сердито:

- Да там ещё в конце гордый крик есть, - это уж и не искренно, а так сказано - для самоутешения. Чем тут гордиться? Одинок, значит - не нужен никому.

Мы часто беседовали на эту тему, и всегда он жестоко казнил себя.

- Смотрите, как это хорошо:

Жаль маю до землі

Бо тіні, що вкривають її

Пересунуться на інше місце

І де було тьмяно и сумно,

Знов ляже золото сонця...

Он усмехнулся и тотчас переделал эти строки в юмористическое стихотворение...

Однажды ему сказали:

- Какая верная и страшная вещь ваш "Сміх".

Он небрежно отмахнулся рукою:

- Да это ж заимствовано! И неумело сделано, - в жизни этот смех страшней и законней.

Иногда было досадно, чаще - больно слышать такие возгласы: много звучало в них великой искренней муки.

Но, относясь безжалостно к себе, к другим он относился очень снисходительно, умея всюду, даже в плохом, найти хорошее - меткое слово, звучную фразу.

- Дорогой мой, - сказал он однажды ночью, когда море и остров молчат так странно, точно в тихом изумлении ждут чего-то необычайного, - столько видано, столько пережито, в душе волнуется целый мир образов, мыслей, каких-то до слёз простых и ласковых песен! Так бы дождём с неба и опрокинул всё это на землю, на людей, а - не удаётся, не умеется!

Не удавалось, - да, но - он мог бы, он бы сумел написать прекрасные, большие вещи: многое у него было уже до конца продумано, готово и красиво, оригинально, по-своему. Не удавалось потому, что за три года нашего знакомства почти в каждом письме его звучала, всё усиливаясь, одна и та же нота:

"Должен сознаться, что со мною что-то неладно. Сердце работает всё хуже и хуже, порою приходится ложиться в постель, работа так утомляет меня, что нет сил приняться за что-либо другое".

"Почти ничего не удалось заработать зимою, значит - создалось трудно одолимое препятствие. А между тем вилла в четыре комнаты за 65 лир, с доброй хозяйкой, манят и улыбаются".

И наконец 9/X - 912 он писал:

"Плохо мне, дорогой А.М., болею упорно, продолжительно и жестоко; хуже всего - не могу работать. Остаётся попробовать героическое средство: лечь в больницу на продолжительное время, для чего на-днях отправляюсь в Киев".

А из клиники Образцова он бодро сообщает:

"Перевели меня, наконец, в Киев, уложили в клинику как "тяжёлого сердечника". Однако я нахожу, что иногда чудесно эдак побаловаться! Какие великолепные люди посещают меня ежедневно, принося мне всё, что я люблю, цветы, книги, самих себя! В окно смотрит то же солнце, которое вас греет, и оттого кажется ещё теплей и ласковей".

Он любил сказать человеку ласковое, хорошее слово и даже в этот день, сильно огорчённый накануне смертью Н.В.Лысенка, всё-таки нашёл в душе это слово, милый...

Он знал, что скоро умрёт, и нередко говорил об этом просто, без страха, но и без наигранной бравады, которою многие рисуются столь лживо.

- Смерть необходимо победить, и она будет побеждена! - сказал он однажды. - Я верю в победу разума и воли человека над смертью, так же как в то, что сам - скоро умру. И ещё умрут миллионы людей, а всё-таки, со временем, смерть станет простым актом нашей воли, - мы будем отходить в небытие так же сознательно, как отходим ко сну. Смерть будет побеждена тогда, когда большинство людей ясно сознают цену жизни, поймут её красоту, почувствуют наслаждение работать и жить.

Человек высокой духовной культуры, солидно вооружённый знанием естественных наук, он внимательно следил за всем, что творится в области борьбы со смертью, но и поэзия умирания, поэзия непрерывной смены формы тонко чувствовалась им.

Не раз, благодарно глядя на серые скалы Капри, богато одетые пышной зеленью трав и цветов, он говорил:

- Какая сила жизни! Мы привыкли к этому и не замечаем победы живого над мёртвым, действенного над инертным, и мы как бы не знаем, что солнце творит цветы и плоды из мёртвого камня, не видим, как всюду торжествует живое, чтоб бодрить и радовать нас. Мы должны бы улыбаться миру дружески...

Он очень умел улыбаться так, - всему улыбкой друга. По поводу смерти Л.Н.Толстого он писал:

"Больно мне было читать, что вы так тяжело пережили смерть Толстого. Мне тоже тяжело было, но - не знаю, стыдиться ли? - и хорошо знать, что на свете бывает большое. Смерть как будто вернее определяет размеры, чем жизнь".

Для меня смерть Михаила Коцюбинского определилась как тяжёлая личная утрата, я потерял сердечного товарища.

Прекрасный, редкий цветок отцвёл, ласковая звезда погасла. Трудно жилось ему: быть честным человеком на Руси очень дорого стоит.

Беднеет наше время хорошими людьми, - насладимся грустью воспоминаний о них, о красоте этих светлых душ, любивших беззаветно людей и весь мир, о сильных людях, которые умели работать для счастья родины своей.

Вечная память честным людям!

ПРИМЕЧАНИЯ

Впервые напечатано одновременно на русском и (в переводе) украинском языках в киевском журнале "Літературно-Науковий Вісник", 1913, т. LXIII, книга 6, квітень - червень. В июле того же года воспоминания появились в журнале "Вестник Европы", СПб, 1913, книга 7.

Воспоминания написаны вскоре после смерти знаменитого украинского писателя Михаила Михайловича Коцюбинского, последовавшей 12 апреля 1913 года.

В конце мая 1913 года М.Горький, посылая воспоминания в редакцию журнала "Вестник Европы", писал одному из редакторов его, Д.Н.Овсяннико-Куликовскому:

"Посылаю несколько страниц моих воспоминаний о М.М.Коцюбинском, человеку, любимом мною.

Воспоминания эти предназначены для "Л.-Н. Вісника" и будут напечатаны по-украински. Но, может быть, это не помешает Вам поместить их и в "Вестнике

Европы", ибо наша публика знает рассказы Коцюбинского и, вероятно, ей не безинтересно будет узнать кое-что о личности автора" (Архив А.М.Горького).

С М.М.Коцюбинским (1864-1913) М.Горький впервые встретился на острове Капри (Италия) 2 июня 1909 года (см. письма М.М.Коцюбинского к жене от 2 и 3 июня 1909 года в сборнике "О.М.Горький и М.М.Коцюбинский. Збірник матеріалів", Київ, 1937, стр. 49-50). Между писателями быстро возникли дружеские отношения, ещё более укрепившиеся во время последующих приездов Коцюбинского на Капри (летом 1910 и осенью - зимой 1911- 1912 годов).

Чтобы иметь средства к существованию, М.М.Коцюбинский почти до самой смерти вынужден был служить статистиком в Чернигове, в губернской земской управе. Эту службу он и имеет в виду, когда рассказывает в письмах М.Горькому об изнуряющем характере своей работы.

Воспоминания о М.М.Коцюбинском включались во все собрания сочинений.

Печатаются по тексту, подготовленному автором для собрания еочинений в издании "Книга" (Архив А.М.Горького), сверенному с первопечатными изданиями.